

15. Постановление Пленума ВАС РФ от 15.10.1998 № 17 «О применении АПК РФ при пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 12.
16. Дикарев И.С. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина в структуре публичного уголовного преследования // Правоведение. 2006. № 3. С. 119.
17. Халиулин А. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Законность. 2007. № 9. С. 17.
18. Белоусов В. О защите прав подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2007. № 2. С. 79-80.
19. Петрухин И.Л. Указ соч. С. 80.
20. Бахрах Д.Н. Указ. соч. С. 51.
21. Новиков А.Г. Гражданская процессуальная ответственность: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 30 и далее.
22. Постановление Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.
23. Пономарева В.В., Брестер А.А. Соотношение метода уголовного процесса и метода правового регулирования уголовно-процессуального права // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 2. С. 71-77.
24. Бобылева Ю.А. Некоторые процессуальные формы защиты интересов ответчика в гражданском судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 2. С. 149-152.
25. Кутько В.В. К вопросу о соотношении понятий «процессуальное право», «юридический процесс» и иных смежных категорий // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 3. С. 144-146.
26. Беляев В.П., Рубченко С.О. Законность как принцип процессуального режима // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 23-27.
27. Соловых С.Ж. Отдельные вопросы арбитражно-процессуальных гарантий субъективных прав участников арбитражного судопроизводства // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 234-238.
28. Сычёв А.А. Проблемы современной ювенальной юстиции. некоторые проблемные аспекты // Вестник НГИЭИ. 2012. № 9. С. 103-116.
29. Шрамкова М.Н. О некоторых проблемах оптимизации процессуально-правового регулирования в современной России: целевой и инструментальный аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 134-141.
30. Липинский Д.А., Чукова Е.В. Процессуальная ответственность: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 84.

LEGAL FORMS OF COERCIVE PROCEDURAL

© 2014

Chuklova E.V., assistant professor of business and labor right
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
Krivickij V.V., teacher
Togliatti Chemical Engineering College, Togliatti (Russia)

Annotation: Article is devoted to legal forms of procedural coercion. The authors concluded that the procedural coercion exists in two forms: the protection of the rights (including the measures of procedural responsibilities, protective measures and security measures) and measures to ensure.

Keywords: procedural responsibility, coercion, prevention, protective measures, security measures.

УДК 343.13 [343.211.3; 343.122]

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В СВЯЗИ С РЕШЕНИЕМ ВОПРОСА О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

© 2014

Шадрин В.С., доктор юридических наук, профессор
*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры
 Российской Федерации, Санкт-Петербург (Россия)*

Аннотация: Исследуется проблема обеспечения прав лица, которому преступлением причинен вред, в начальной стадии уголовного процесса. Выясняются возможность и необходимость признания данного лица потерпевшим с момента принятия от него заявления о преступлении, анализируются об этом точки зрения в науке уголовного процесса.

Ключевые слова: Основания и момент признания потерпевшим, права и условия реализации прав потерпевшего.

Исходными, базовыми для регламентации правового статуса жертв преступлений и обеспечения их прав в нашей стране являются положения ст. 52 Конституции России: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда». Указанные положения подлежат, по мере поступательного становления России демократическим правовым государством, развитию и наполнению все более значимым содержанием в отраслевом российском законодательстве, прежде всего в Уголовно-процессуальном кодексе. Наглядным подтверждением тому является принятие Федерального закона РФ от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ в действующей сейчас редакции потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением, причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Отрадно, что законодатель, наконец, внял давно уже обоснованным рекомендациям отечественной науки уголовного процесса о необходимости создания гарантий надления лица, понесшего от преступления вред, процессуальными правами для активного отстаивания в уголовном процессе своих законных интересов с момента, когда лицо начинает, или может начинать испытывать потребность в обладании такими правами. Таким, наиболее ранним, моментом при наличии сведений о соответствующем лице, отныне определен момент возбуждения уголовного дела, наступление которого императивно обязывает следователя или дознавателя признать лицо потерпевшим, что и означает предоставление лицу широкого комплекса прав, предусмотренных ч. 2 ст. 42 УПК РФ.

Однако решение вопроса о моменте появления потерпевшего в уголовном процессе вряд ли можно считать вполне завершенным. Поскольку и уточненное правовое регулирование обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, связанных непосредственно с совершением в отношении его преступления, в том числе прав на устранение, возмещение или компенсацию причиненного ему вреда, по-прежнему оставляет желать лучшего. В определенном смысле оно проигрывает в сравнении с правовым регулированием, существовавшим еще в дореволюционной России.

Как известно, термин “потерпевший” использовался в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., однако в него вкладывался несколько иной смысл. Под потерпевшим подразумевалось любое лицо, заявившее о совершении в отношении его преступления. Заявления (объявления) лиц о причинении им вреда, имеющего преступный характер, признавались «жалобами» (ст. 301 УУС), а жалоба «почитались достаточным пово-

дом к начатию следствия». Ни судебный следователь, ни прокурор, ни в коем случае не могли «отказать в том лицу, потерпевшему от преступления» (ст. 303 УУС). Никакого специального признания лица потерпевшим не требовалось. Ему практически сразу предоставлялись процессуальные права, в том числе право присутствовать при всех следственных действиях, требовать выдачи ему копий всех протоколов и постановлений и т.д. (ст. 304 УУС).

УПК РСФСР 1923 г., как и его кратковременный предшественник УПК РСФСР 1922 г., также использовал рассматриваемый термин без какого-либо разъяснения, кого именно подразумевать под потерпевшим, и без четкого определения комплекса процессуальных прав потерпевшего (ст. 50, 51). Впервые в истории российского уголовного-процессуального законодательства относительно возвращенное понятие потерпевшего было сформулировано в ст. 53 УПК РСФСР 1960 г.: потерпевшим «признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический и имущественный вред». Одновременно в названной статье излагался сравнительно широкий перечень основных процессуальных прав потерпевшего. Большую, чем ранее, определенность понятия и процессуального положения потерпевшего, с одной стороны, можно было бы считать достижением отечественной науки уголовного процесса. С другой стороны, поскольку проблема участия потерпевшего в уголовном деле разрабатывалась в условиях приоритета общественных, государственных интересов над интересами личности, при доминировании в уголовном процессе принципа публичности, возможности лица, которому преступлением причинялся вред, были существенно ограничены. Решение вопроса о возбуждении уголовного дела стало прерогативой органов государства, за исключением узкой категории дел частного обвинения и частно-публичного обвинения. Влияние лица, испытывающего на себе вредные последствия преступления, на принятие положительного решения о начале производства по уголовному делу, резко сократилось, и вообще его участие в уголовном деле в качестве субъекта уголовного процесса оказалось поставлено в зависимость от усмотрения государственных органов, ведущих указанный процесс. Подавая заявление о совершенном в отношении его преступлении, лицо даже при возбуждении уголовного дела имело реальный шанс так и не стать потерпевшим. Следователь или дознаватель могли не посчитать нужным признать его таковым вследствие отсутствия, по их не всегда объективному мнению, оснований для такого решения, то есть наличия доказательств факта причинения лицу соответствующего вреда. В юридической литературе совершенно справедливо отмечалось, что буквальное ригористическое толкование закона в том смысле, что потерпевшим может быть только тот, кто действительно пострадал от преступления, влечет за собой затяжку в признании лица потерпевшим и, следовательно, в обеспечении ему права отстаивать свои законные интересы [1]. Поэтому установленная уголовно-процессуальным законом определенность понятия потерпевшего отнюдь не являлась для него безусловным благом.

Закреплением в ч. 1 ст. 42 УПК РФ обращенного к органам уголовного преследования требования согласно Закону РФ от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ принимать решения о признании потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела законодатель создал более благоприятные условия для реализации

потерпевшего. Но есть опасение, что формулировка «незамедлительно с момента возбуждения» вместо недвусмысленной «в момент возбуждения» может лукаво истолковываться предприимчивыми правоприменителями со стороны следствия и дознания не всегда в пользу потерпевшего. Нельзя исключить попытки растягивать «незамедлительность» до тех или иных временных размеров в зависимости от ситуации. А главное - лицо, заявляющее о причинении ему вреда и фактически являющееся потерпевшим, по-прежнему остается просто бесправным заявителем. В указанном положении фактически потерпевший пребывает на протяжении всей стадии возбуждения уголовного дела, производство в которой может продолжаться до 30 суток и сопровождается проведением целого ряда следственных действий. Таким образом, «зияющий пробел между моментом подачи заявления пострадавшим от преступления лицом и моментом принятия решения о признании этого лица потерпевшим» [2] во многом сохраняется.

Для выхода из существующего положения, безусловно, нежелательного для лица, которому преступлением причиняется вред, возможно рассмотрение разных вариантов. Один из них — использовать для определения статуса данного лица в стадии возбуждения уголовного дела понятие «пострадавший» [3], с наделением его некоторыми процессуальными правами. Однако реализация подобного варианта не представляется продуктивной. Следует согласиться с мнением, что «введение в уголовный процесс еще одного термина для обозначения того же самого потерпевшего ничего, кроме путаницы и усложнения терминологии, не дает и процессуальную ситуацию никак не проясняет» [4].

Более перспективной, в наибольшей степени отвечающей обеспечению прав и законных интересов потерпевшего, представляется идея признания его таковым в порядке, ранее предусмотренном российским Уставом уголовного судопроизводства. Для этого в настоящее время существует ряд правовых предпосылок.

В частности, заявители о преступлениях, влекущих производство по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения, в отличие от формулировок ст. 42 УПК РФ, прямо именуется в действующем уголовно-процессуальном законе потерпевшими (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Хотя не без оснований высказываются мнения, что лицо, имеющее право на обращение с заявлением о возбуждении уголовного дела по делам частного и частно-публичного обвинения, обладает материальными, а не процессуальными признаками потерпевшего [5, 6]. Но более важно другое. Существует и признается в законодательстве и правоприменительной практике правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой необходимо учитывать не только формально процессуальное, но и фактическое положение лица, оказывающегося в сфере уголовного судопроизводства [7]. Соответственно Пленум Верховного Суда РФ предписывает судьям и иным правоприменителям в сфере уголовного судопроизводства иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им [8]. Смещение момента признания лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела на момент принятия заявления (жалобы) пострадавшего от преступления многое меняет

в смысле улучшения обеспечения его прав. Для обеспечения же обоснованности решения о возбуждении дела наступления каких-либо существенных негативных последствий не предполагается. Как свидетельствуют результаты исследований, имеющие определенное доказательственное значение данные, подтверждающие факт преступного посягательства, содержатся, по данным одних авторов, в 90% [9], а по данным других авторов, даже более чем в 98% заявлений о преступлениях [10]. При указанных обстоятельствах проверка по заявлению нередко сводится не к установлению оснований факта совершения преступления со всеми его вредными для заявителя последствиями и соответственно возбуждения уголовного дела — они налицо, — а к изысканию возможностей под благовидным предлогом в возбуждении дела оказать, если возможность раскрытия преступления оказывается под вопросом и «судебная перспектива» не очевидна. Пострадавшему от преступления в подобных случаях остается лишь удовлетвориться получением лаконичного уведомления об отказе в возбуждении уголовного дела, например «на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ», без каких-либо объяснений и мотивировки принятого решения, хотя и с упоминанием о праве на его обжалование соответствующему прокурору. Заявители чаще всего не используют данное право, так как к новым обращениям в государственные органы «охота отбита» предшествующим пренебрежительным отношением к их законным интересам.

Так стадия возбуждения уголовного дела из «совершенно необходимого барьера, ограждающего жизнь граждан от вмешательства органов власти» [11], превращается в буфер, ограждающий органы власти от обременительных хлопот по расследованию «неперспективных» дел, а заодно от докучающих своей активностью пострадавших от преступлений. Последним же в силу по существу бесправного положения в стадии возбуждения уголовного дела остается либо смириться с участием не понятых и отвергнутых государством в лице его органов, обладающих монополией на начало и ведение уголовного процесса, либо обращаться за помощью в оказании самостоятельного воздействия на обидчика к преступным группировкам. Заявление-жалобу пострадавшего от преступления гражданина следует рассматривать и как наличие оснований для признания лица потерпевшим, и как совокупность повода — основания к возбуждению уголовного дела. При соблюдении, однако, некоторых условий — если в заявлении изложены признаки преступления и нет сведений о ложности сообщаемых сведений, а также отсутствуют явные сведения, объективно опровергающие сообщаемое. Констатация отсутствия подобных сведений в момент принятия заявления, исходя из предположения пострадавшего добросовестным, добропорядочным гражданином, должна влечь за собой немедленное возбуждение уголовного дела без всяких «доследственных» проверок. Дополнительной гарантией правомерности данного решения призвано служить предупреждение заявителя независимо от формы сообщения — устного или письменного — об ответственности за заведомо ложный донос. При таком подходе поступление в органы расследования надлежащим образом составленного заявления пострадавшего от преступления с последующим безотлагательным возбуждением уголовного дела будет фактически означать старт предварительного расследования, переводить нача-

тое в связи с данным поводом уголовно-процессуальное производство, с минимальной «транзитной остановкой» в стадии возбуждения уголовного дела, непосредственно в следующую стадию уголовного процесса.

В юридической литературе неоднократно уже высказывались мнения о целесообразности считать лицо, которому преступлением причинен вред, с момента подачи заявления о преступлении. Все они заслуживают поддержки, а происходящее усиление внимания законодателя к насущным нуждам потерпевшего внушает надежды на возможность их реализации. Есть и конкретные предложения по соответствующей корректировке содержания ст. 42 УПК РФ, хотя некоторые из них способны вызвать пожелания по их совершенствованию. Так, предлагая закрепить в законе дополнительное основание признания лица потерпевшим - подачу заявления о преступлении, одновременно предлагалось заменить в ч. 1 ст. 42 УПК РФ второе предложение следующей формулировкой: «Лицо, подавшее заявление о преступлении, признается потерпевшим в случае возбуждения уголовного дела, когда установлен факт причинения вреда преступлением, или с момента оформления постановления об этом дознавателя, следователя или суда» [12]. Возможно именно предлагаемое содержание новеллы и побудило законодателя ею воспользоваться, что привело к изложению ч. 1 ст. 42 УПК РФ в действующей сейчас редакции, но в итоге оставило вопрос о появлении потерпевшего уже в стадии возбуждения дела открытым.

Более отвечающим законным интересам потерпевшего и достаточно ясно выражающим мысль автора представляется предложение изложить ч. 1 ст. 42 УПК РФ в следующей редакции: «Потерпевшим является обратившееся с заявлением о преступлении физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Физическое или юридическое лицо может быть признано потерпевшим также на основании постановления дознавателя, следователя или судьи либо определения суда» [13].

Таким образом, наличие в обращении заявителя данных, указывающих на причинение ему в связи с преступным посягательством физического, имущественного, морального вреда, должно означать и наличие оснований для признания его потерпевшим, то есть с момента подачи заявления и фактически, и юридически этому лицу должен предоставляться статус потерпевшего со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нет, видимо, необходимости фиксировать данное обстоятельство в специальном процессуальном акте. Главное, чтобы в уголовно-процессуальном законодательстве была закреплена совокупность прав данного лица, определяющая его правовое положение в границах с расследованием стадии возбуждения уголовного дела, как потерпевшего. Потерпевший в стадии возбуждения уголовного дела должен иметь, как минимум, следующие права: знать о принятом по его заявлению решении и получать в случае возбуждения уголовного дела или направления заявления по подследственности и подсудности письменное уведомление, а в случае отказа в возбуждении уголовного дела при наличии данных о явно опровергающих изложенное в заявлении или иных исключающих производство по уго-

ловному делу обстоятельствах - копию мотивированного постановления об отказе; знакомиться с материалами проверки и иными данными, послужившими основанием для отказа в возбуждении дела; пользоваться помощью переводчика; иметь представителя с момента поступления в органы, ответственные за ведение уголовного процесса, заявления о преступлении; обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору и в суд. При изложении перечня возможных прав потерпевшего в уголовно-процессуальном законе желательно предусмотреть, какие права он имеет до возбуждения и какие - после возбуждения уголовного дела.

Резюмируя изложенное выше, следует признать, что правовой статус лица, которому преступлением причиняется вред, применительно к стадии возбуждения уголовного дела нуждается в серьезном совершенствовании. Такой подход будет свидетельствовать о том, что защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является действительно приоритетным направлением осуществления назначения уголовного судопроизводства, как это предусматривается п. 1 ст. 6 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юридический конфликт: сферы и механизмы (Юридическая конфликтология. Часть II). М., 1994. С. 136.
2. Белкин А.Р. Процессуальный статус потерпевшего нуждается в пересмотре // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 67.
3. Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве. М., Юрлитинформ, 2011. С. 59.
4. Быков В.М., Колдин С.В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство). М., Юрлитинформ, 2013. С. 42.
5. Мартыненко Н.Э. Конфликт уголовно-правового и уголовно-процессуального статуса потерпевшего // Российский следователь. 2012. № 1. С. 43.
6. Рохлин В.И., Казанцев В.Г. Положение потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации с позиции международного права // Адвокат. 2012. № 2. С. 24.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова», п. 3.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», п. 3.
9. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., Юрайт, 2011. С. 11.
10. Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 63.
11. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. С. 102.
12. Гладышева О.В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 128.
13. Синенко С.А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 2. С. 28.

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF THE VICTIM IN CONNECTION WITH THE DECISION OF A QUESTION ON EXCITATION OF CRIMINAL CASE

© 2014

Shadrin V.S., doctor of law, professor
*Saint-Petersburg law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor of the
Russian Federation, Saint–Petersburg (Russia)*

Annotation: we investigate the problem of ensuring the rights of the person to whom the crime harmed in the initial stage of the criminal process. Turns out the possibility and necessity of the recognition of this person a victim from the moment of acceptance from his statements about the crime, and analyses about this point of view in the science of criminal process.

Keywords: the Grounds and time of acceptance of the victims, the rights and conditions of realization of rights by victim.

УДК 343.985

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМА

© 2014

Шайбакова Р.Ф., преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Уфимский филиал УрГЮА, Уфа (Россия)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы определения понятия «тактический прием». Автор анализирует различные точки зрения по данной проблеме, принадлежащие ученым – специалистам в данной области, также приводит свою точку зрения по данному вопросу.

Ключевые слова: тактический прием, следователь, расследование и раскрытие преступлений, следственная практика, правоохранительные органы, прокурор, криминалист.

Тактика проведения следственных действий – важная составляющая расследования преступлений. Ведь именно правильный выбор тактики и тактических приемов при проведении того или иного следственного действия предопределяет положительный ход расследования в целом.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что правильная трактовка сущности тактического приема имеет особое значение не только для криминалистической науки, но и для практической деятельности следователей.

Несмотря на то, что мы далеко не первые, кто задавался проблемными вопросами, касающимися сущности тактического приема, в литературе данное понятие трактуется разноречиво, единого определения понятия «тактический прием» не существует.

В связи с изложенным, в данной работе мы проанализируем наиболее известные определения и попытаемся раскрыть сущность понятия «тактический прием», также назвать его отличительные черты.

В литературе существуют различные подходы к пониманию сущности тактического приема. В целом, как нам представляется, наметились два основных направления. Сторонники одного понимают тактический прием как научную рекомендацию о способах действий в целях раскрытия преступления, другие же считают его наиболее рациональным способом действия или поведения следо-

вателя. Такие подходы объясняются разным определением источника следственной тактики. Если первая группа авторов акцентирует внимание на научность тактики, то вторая большее внимание обращает на практические аспекты данной проблемы [1].

Однако, мы считаем, что такое разделение понятий носит достаточно условный характер, ведь, цель науки в целом, найти новые, более совершенные пути для решения тех или иных задач, возникающих на практике. Следовательно, эти два направления не должны отделяться друг от друга, а, наоборот, должны дополнять друг друга.

Переходя к определениям тактического приема, отметим, что, по мнению А.С. Князькова, при определении понятия «тактический прием» необходимо исходить из того, что термин «тактический» означает, что из множества приемов как способов осуществления самых различных видов деятельности выделили способы, приемлемые для осуществления специфического вида деятельности – раскрытия и расследования преступлений (некоторые авторы добавляют – и их предупреждения), к которой предъявляются определенные требования и которая характеризуется, в конечном счете, юридически значимыми результатами [2].

Указанное определение, по нашему мнению, не является корректным, поскольку понимание тактического приема чрезмерно расширено. Представляется, что так-